

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Не заглядывай
в пустоту

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием
«Зеркало Лукреции Борджиа»

Александрова, Наталья.

А46 Не заглядывай в пустоту : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-117058-5

Лукрецию Борджиа изображали великие художники, ее красотой восхищались поэты, но в историю внебрачная дочь папы римского вошла как символ коварства, жестокости и распутства. Кем она была — роковой женщиной, перед чьим взглядом не устоит ни один мужчина, или послушной куклой, которую отец и брат использовали для достижения своих целей? По легенде, Лукреция владела необычным зеркалом, которое показывало будущее и давало советы своему владельцу. Именно оно однажды спасло Лукрецию жизнь.

Со временем серебряное зеркало работы венецианского мастера стало фамильной реликвией, передающейся из поколения в поколение по женской линии.

В наши дни владелицей артефакта становится Людмила — дочь богатого предпринимателя, недавно потерявшая мужа, умершего при странных обстоятельствах. Скромная, безынициативная, всю жизнь она подчинялась воле жестокого отца. Однако, заглянув однажды в зеркало, Людмила увидела в нем совсем иную женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117058-5

© Н. Александрова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

— Водки у нас нет, — с бесконечным терпением повторила стюардесса. — И вообще, по нашим правилам пить в полете запрещено.

— А мне на ваши правила наплевать! — орал рыжий мужик с необхватной шеей и багровым лицом. — Вы нас по жизни должны французским коньяком поить, после того как отдых испоганили!

— Мы тут ни при чем, — терпеливо повторила стюардесса и перешла к ожидавшей ее женщине с ребенком.

— Нет, ты не уходи! — Красномордый мужик попытался схватить стюардессу за руку, но та увернулась. — Я с тобой еще не разобрался! Мало того что этот спиногрыз меня всю дорогу своими криками достает, так теперь ему все внимание!.. Я за что деньги заплатил? Немалые, между прочим, деньги!

— Угомонись, мужик! — подал голос до сих пор дремавший худощавый мужчина в льняном пиджаке. — Угомонись, и без тебя тошно!

— Ты еще будешь меня учить? — выверился на него красномордый, обрадовавшись новому развлечению. — Да я тебя, червяк дождевой, сейчас по стенке размажу!

Он тяжело поднялся из своего кресла, шагнул через проход, наклонился, но худощавый, не глядя, ткнул его кулаком в живот. Красномордый закашлялся, хватая ртом воздух, удивленно выпучил на обидчика глаза, попятился, плюхнулся в кресло и неожиданно заснул, открыв рот и время от времени всхрапывая.

Людмила тоже прикрыла глаза, перед ее внутренним взором побежали, словно кадры старой черно-белой кинохроники, события последнего месяца: внезапная смерть Антона, тяжелый разговор с отцом и братом, полет в Таиланд, уличные беспорядки...

Отец и брат отправили ее в Таиланд, убедив, что ей необходимо отдохнуть, справиться со стрессом после смерти мужа. Она не хотела никуда лететь, все случилось так неожиданно, она ничего толком не осознала. И прилично ли вдове так быстро начать радоваться жизни?

«Ерунда, — сказал на это отец, — какая разница, где ты проведешь это время? И не спорь, так будет лучше для тебя».

Он всегда мог если не убедить, то заставить ее. Хотя она никогда с отцом не спорила, с ним вообще никто не спорил, он всегда был прав. Брат отваживался возражать ему только наедине. Но Людмила никогда не вникала в суть их споров, они ее не допускали до решения деловых вопросов.

Людмила удивилась только, что в этот раз они отпустили ее одну. Это было не в правилах, которые твердо установил отец: она нигде не должна была появляться одна.

«Мы слишком на виду, — говорил он, — я и моя семья. Ни к чему провоцировать журналистов

и разных прощелыг. Ты красива и абсолютно не разбираешься в людях, не хватало еще, чтобы тебя охмурил какой-нибудь авантюрист».

Брат в таких случаях выражался более резко, он вообще не следил за своей речью. Иногда Людмилу просто коробило от этого.

В загородный дом, в салоны красоты и по магазинам она ездила на машине с водителем, на курорт — только с мужем. Изредка появлялась какая-нибудь женщина вроде компаньонки, чтобы сопровождать куда-нибудь, если Антона призывали дела. Но после того как одна из них оказалась журналисткой и написала в Интернете, как она отдыхала на курорте в обществе сильных мира сего, отец распорядился никого не брать со стороны.

Отдых ее начался плохо: не успела Людмила прилететь в Таиланд, как там начались беспорядки.

Сперва на всех углах собирались маленькие группки местных. Они о чем-то разговаривали, бурно жестикулируя, перебывая друг друга. Потом эти группки стали сливаться в большие группы, как капли дождя сливаются в лужицы, потом они соединились в одну огромную бурлящую толпу. Над этой толпой возникли разноцветные флаги, чаще — красно-зеленые, и плакаты с непонятными надписями, среди демонстрантов появились многочисленные смуглые люди с красно-зелеными головными повязками. Потом в руках демонстрантов обнаружались палки и булыжники, с жалобным звоном начали разбиваться витрины сувенирных лавок и магазинчиков.

Отель, в котором поселилась Людмила, был не дорогой, а очень дорогой, и на первых порах беспорядки ничуть не беспокоили его обитателей. Об-

служивание оставалось по-прежнему безупречным, кухня — отменной, и пятен на солнце не предвиделось. Однако на второй день половина официантов и горничных куда-то пропала, а оставшиеся стали невнимательными и нерасторопными.

На третий день беспорядков обитателей отеля предупредили, что выходить на улицы небезопасно, что лучше вообще не покидать территорию отеля. Но потом в разных концах города начались пожары, и администрация объявила, что всех клиентов в ближайшие два дня эвакуируют из страны, пока восстановившие еще не захватили аэропорт.

Людмила поспешно покидала вещи в чемодан и села в автобус, который ждал на площадке возле отеля.

Где бы ни появлялась Людмила, вокруг нее тут же начинали сновать возбужденные мужчины. Она к этому привыкла и пыталась не обращать внимания, как на досадную мелочь, — ну, живут же люди с плохим от природы зрением, приноровились, очки носят. Или, к примеру, кто-то высоты боится — тоже привык, терпит, на гору не лезет. А ей вот досталась от природы красота. И на красоту эту летят мужчины, как мотыльки к свету, ничего тут не сделаешь.

Даже здесь, возле автобуса, в суете эвакуации, двое или трое чуть не подрались за право поднести ее чемодан и найти ей самое лучшее место.

Однако, когда автобус высадил их в аэропорту, они погрузились в атмосферу хаоса и паники. Огромное здание аэропорта было переполнено, люди метались с безумными глазами, плакали дети, на табло мелькали какие-то бессмысленные слова и цифры. Людмины поклонники тут же утратили к ней интерес,

у них сделались такие же безумные глаза, они замесались в поисках какой-нибудь информации.

Людмила с трудом выбралась из толпы, нашла тихий уголок и села там на чемодан, ни на что не надеясь.

И вдруг рядом с ней оказался симпатичный русский летчик, который по неуловимым признакам узнал в ней соотечественницу и помог сесть на самолет.

Правда, первого класса в этом самолете не имелось, и вообще неизвестно было, куда он летит, но на такие мелочи уже никто не обращал внимания: главное, на нем можно было улететь из хаоса и страха бунтующей, ломающей устои страны.

Кроме того, самолет был российский, и летел он в Россию — а что еще нужно людям, чудом спасшимся из самого пекла сиамского бунта, такого же бессмысленного и беспощадного, как всякий другой?

Правда, как только самолет оторвался от земли, в нем началась такая же склочная и скандальная жизнь, как в любом другом дальнем рейсе: кто-то ссорился, кто-то качал права, кто-то требовал выпивки...

— Уважаемые пассажиры, — раздался в динамиках уверенный мужской голос, — просьба занять свои места и пристегнуть ремни. Через сорок минут мы совершим посадку в аэропорту Ангарска.

— Почему Ангарск? — снова заголосил красно-мордый мужик. — Что мы там забыли, в этом Ангарске? Был я там в девяносто пятом году. Дыра дырой, гостиницы нормальной и то нет...

Он поймал за рукав проходившую мимо стюардессу и завелся:

— Вы че, в натуре! С какого перепугу в этот Ангарск садитесь? Мне ваще в Ма-аскву надо!

— До Москвы у нас не хватит горючего, — с немислимым терпением ответила стюардесса. — Другие города не принимают, принимает только Ангарск...

— Горючего? — Красномордый опять набирал обороты. — Вы что же, как следует не заправились? Я за что деньги плачу?

— Вы забыли, что творилось в аэропорту? Удивительно, что нам вообще удалось вылететь!

— Памятник вам за это, что ли, поставить? — не унимался мужик, но стюардесса ловко вывернулась и пошла дальше. Тут самолет сильно трянуло, и скандальный мужик снова затих.

Самолет быстро снижался. Людмила выглянула в иллюминатор. Внизу горели редкие огни, в одном месте их скопление обозначало центр города. Цепочки движущихся огней отмечали дороги.

Самолет приземлился, пассажиры вышли на летное поле. Никакого автобуса, конечно, не было, и все потянулись к зданию аэропорта под противным морозящим дождем, переходящим в снег. Людмила застегнула легкую курточку, зябко передернула плечами: было холодно, а теплых вещей она с собой не брала.

Автобусов долго не было, наконец пришел один — обшарпанный и холодный, люди набились в него, как в час пик, чуть ли не на подножках висели. Водитель орал в микрофон, что с открытой дверью не поедет и что сейчас лично выбросит тех, кто не дает закрыть двери. Ребенок проснулся и заорал с новой силой, водитель наконец тронулся с места, причем пару раз резко затормозил, чтобы утрамбовать пассажиров.

За окнами автобуса потянулись маленькие хмурые домики с мокрыми палисадниками, потом — унылые кварталы одинаковых хрущевских пятиэтажек.

Автобус остановился так резко, что Людмила едва успела схватиться за поручень.

— Приехали, граждане, конечная остановка, дальше некуда! — объявил водитель.

— Типун тебе на язык! — огрызнулась толстая тетка в цветастой кофте. — Везешь людей хуже, чем дрова!

— Ничего, не все вам по курортам разъезжать, на песочке загорать, поглядите, как мы живем, может, совесть проснется! — рыкнул водитель в ответ.

Из открытой двери повеяло холодом. Людмила вздрогнула и запахнула тонкую курточку. Кто берет с собой на курорт теплые вещи? Она-то думала, что долетит до Петербурга, а там пройдет через вип-зал и водитель подгонит машину прямо к выходу. Даже приятно пробежать в босоножках три шага по холоду, чтобы потом в салоне, пахнущем кожей, всем телом ощутить благодатное тепло. И попросить водителя включить тихую музыку, и сидеть в полудреме, лениво наблюдая, как за окном машины пробегают освещенные ночные улицы...

— Что встала? Шевели лапами! — Красномордый мужик, что всю дорогу скандалил в самолете, больно ткнул ее сумкой.

Людмила подхватила свой не слишком набитый чемодан и двинулась следом. Ноги мерзли невыносимо. Хоть бы колготки догадалась взять, идиотка несчастная!

Трехзвездочный отель, как обещали в аэропорту, оказался двухэтажной бетонной коробкой с тем-

ными окнами. Горел только фонарь у входа, и то вполнакала.

Толкаясь и обгоняя друг друга, пассажиры бежали к дверям. По ногам мела самая настоящая поземка.

«Снег... — удивилась Людмила, — не может быть... Хотя сейчас конец октября, тут скоро наступит зима...»

Холл гостиницы был крошечным, а люди все прибывали и прибывали. Администратор, полная, с мелкозавитыми соломенными кудряшками, в бордовом форменном пиджаке, кричала визгливым голосом:

— Нету мест, нету, ну куда я вас положу, куда?

Красномордый неугомонный дядька и тут ввязался в скандал. Плакал ребенок, люди были злые и усталые после трудного полета. Внезапно Людмиле показалось, что комната задвигалась, пол и потолок поменялись местами, сердитые лица замелькали перед глазами, уши как будто заложило ватой, она замахала руками, пытаясь найти опору, уцепиться хотя бы за что-нибудь, чтобы не упасть на пол, потому что тогда уже будет не встать, толпа затопчет насмерть...

Опоры она не нашла, потому что толпа шархнула от нее, и даже в таком небольшом холле образовалось вокруг Людмилы пустое пространство. Она непременно упала бы на пол, она уже видела, как приближаются каменные плитки с грязными разводами, как вдруг сухая, но сильная рука удержала ее.

— Ну-ну... — сказал совсем рядом тихий голос, — не надо этого. Не ко времени вы в обморок падать наладились...

Людмила потрясла головой. Вату из ушей вытащили, теперь был слышен ровный гул, как будто она сидит на берегу моря. Лица перестали мелькать

перед глазами, осталось одно лицо — внимательное и встревоженное.

Ее держала за руку немолодая женщина, высокая и худощавая. Волосы ее были забраны сзади в большой узел, глаза смотрели участливо и спокойно. Женщина была одета в темно-красный пиджак, такой же, как на администраторше, только на той он сидел как на корове седло, а на этой — как будто был сшит специально на заказ в дорогом престижном ателье у портнихи, к которой запись на полгода вперед.

— Вам нужно присесть... — заговорила женщина, и тут голос ее прервался, глаза удивленно расширились, рука, поддерживающая Людмилу, задрожала.

— А-лида?.. — едва выговорила она непослушными, помертвевшими губами. — Лидуся?

— Вы ошиблись. — Людмила мягко, но настойчиво выдернула свою руку и повернулась, чтобы уйти.

Отец всегда говорил, что с такими людьми надо вести себя твердо.

«Ты не только красивая богатая женщина, — говорил он, — но еще и дочь публичного человека, облеченного властью. Поэтому всегда найдутся люди, которым от тебя что-то надо. Денег, иной помощи — похлопотать, выслушать, помочь с квартирой, устроить дочку в институт, отмазать сына от армии, напечатать графоманские стихи в толстом журнале. Простые люди думают, что ты, вернее я — все могу. Им не приходит в голову, что я-то могу, но не хочу этого делать. А которые чуть поумнее, те действуют более хитро. Ясно, что с незнакомцами ты разговаривать не станешь. Так они придумывают какую-то связь — дескать, когда-то вместе учи-

лись в школе, ходили в детский сад, жили в одном дворе. Им кажется, что знакомому трудно отказать. Вот и пользуются любым случаем — ах, привет, ты Люся? А помнишь Таню Иванову, с которой в десять лет на море отдыхала? Так это я... Всегда найдется какая-нибудь Иванова или Петрова... А если не прошло — ах, извините, обозналась, за другую Люсю вас приняла... Значит, выход только один — нет, вежливое, но твердое. Никого не помню, вы ошиблись, разрешите пройти...»

«И вообще я не Люся», — смеялась в таких случаях Людмила, но отец смотрел строго, он вообще человек серьезный, улыбается редко.

— Вы ошиблись, — повторила Людмила и сделала шаг в сторону.

Точнее, только хотела сделать. Но ничего не вышло, потому что вокруг стояли люди и буквально дышали ей в лицо. Странное дело, только что, когда ей стало плохо, вокруг мигом образовалась пустота, так что она вполне могла бы хлопнуться на грязный пол, а теперь в холле буквально яблоку негде было упасть.

— Пойдите... — снова сказала женщина, — вы так похожи... Такого просто не может быть! Как звали вашу мать?

Людмила вздрогнула — при чем здесь мама? Что нужно от нее этой странной женщине?

Непрерывный шум прибоя в ушах наконец утих, Людмила взглянула на женщину в упор. Та тоже пришла в себя от удивления и смотрела теперь спокойно.

— Девочка... — сказала она тихо, и Людмила не успела возмутиться таким обращением, — дорогая

моя девочка... Твою мать звали Лидия, не так ли? И она умерла очень давно, при родах...

— Откуда вы знаете? — против воли спросила Людмила, хотя буквально воочию видела перед собой гневное лицо отца — сколько раз он твердил, чтобы не вступала ни в какие разговоры. Ни с кем и никогда.

Но эта женщина смотрела так пронизательно. Так... ласково. Никто никогда не смотрел так на Людмилу. Отец всегда глядел строго, даже в детстве, брат — насмешливо, высокомерно, муж — восхищенно и одобрительно, хороша, мол, как всегда. Но никто не смотрел ласково.

— Тебя зовут Людмила, так? — требовательно спросила женщина. — А фамилия? Как твоя фамилия?

— Соловьева, Людмила Соловьева.

Это была ее девичья фамилия, отец настоял, чтобы она не меняла ее в связи с замужеством, как будто знал, что долго оно не продлится. Так было и с Димкой, и с Антоном.

— Все сходится. — Женщина крепко взяла ее за руку. — Пойдем, нам надо поговорить.

Людмила позволила провести себя через толпу к стойке.

— Я ухожу, — сказала женщина потной встрепанной администраторше, — уже полторы смены отработала.

— Ах, идите, конечно, идите! — отмахнулась та. — Все равно ничего уже не сделать. Селить их некуда, пускай вповалку на полу спят.

— Куда вы меня ведете? — Людмила очнулась от ступора только у входной двери.